

*Пальмы Нового Афона.
Купола монастыря.
На неё смотрю влюбленно,
Ничего не говоря...*

(Из первой тетради)

Часть первая

ДИКАРИ

1. Поцелуй соленых губ

Утром началось Черное море. Издали оно казалось то небом, голубеющим между горами, то полем незабудок, то россыпями стекла, сияющего на солнце. Вскоре поезд пошел по самому берегу, и стало видно, как прозрачные волны набегают на крупную мокрую гальку, а потом, отпрянув, обнажают камни, поросшие буро-зелеными грибами.

Тепловоз сбавил скорость, огибая лукоморье, наверное, машинист боялся не вписаться в поворот и соскочить с рельсов. Наше купе было в середине состава. Я высунулся наружу, подставив лицо встречным порывам, и увидел весь выгнувшийся дугой зеленый поезд «Москва — Сухуми». В последнем вагоне, даже не плацкартном, а общем, ехал, как предупредила всех проводница Оксана, табор: из окон развевались цветастые тряпки, которые цыгане постирали в туалете и теперь сушили на ветру. Тетя Валя всю дорогу не выпускала из рук свой лаковый ридикуль, с ужасом вспоминая дорожные кражи прошлых лет. Из ее рассказов складывалось ощущение, что редкий пассажир добирается до места отдыха, сохранив отпускные деньги.

В окне, как на экране, показался пляж дома отдыха, его белые корпуса с портиками и дорическими колоннами (их мы проходили в пятом классе) лепились к зеленым покатым горам, видневшимся в открытую дверь купе, ее не

закрывали даже ночью для живительного сквозняка. На темных бетонных волнорезах, редкой гребенкой уходивших в бирюзовую воду, стояли шоколадные люди, они махали нам руками и панамами. На деревянной вышке, напоминающей стремянку, сидел спасатель в сомбреро и ругал через рупор тех, кто заплыл слишком далеко:

— Вернитесь немедленно за буйки! Повторяю...

Но его никто не слушался. На море люди, даже военные, совершенно забывают о дисциплине. Между неказистыми телами, тесно загорающими на деревянных топчанах и расстеленных полотенцах, почти не было видно серой гальки. Наверное, миллионы трудящихся из разных уголков огромного Советского Союза съехались сюда и впритык разлеглись вдоль извилистого берега Черного моря.

— А мне ведь предлагали путевку в пансионат ВЦСПС, — грустно сказала тетя Валя. — На всем готовом!

— Ну и взяла бы... — отозвался дядя Юра. — А я бы в военный санаторий поехал.

— Ага, и запил бы!

— Ну, Валюш!

— Да ну тебя к черту, Башашкин! Знаю, что говорю!

Дядя Юра, страстный футбольный болельщик, получил свое прозвище из-за преклонения перед знаменитым центральным защитником ЦСКА Анатолием Башашкиным, прославившимся своими длинными пасами.

Потом опять потянулся дикий берег с выброшенными штормом корягами и черными пятнами кострищ. Вдоль воды, с опаской поглядывая на грохочущие вагоны, ковыляли бакланы, смахивающие на серых гусей с короткими шеями. Над морем метались жалобные чайки. Вдали, у горизонта, виднелись сиреневые силуэты кораблей, томящихся на рейде. А чистое синее небо перечеркивали две параллельные реактивные полосы, похожие на рубчатые следы шин в снегу.

В купе было влажно и жарко, будто в парилке Доброслободских бань, куда с отцом мы теперь ходим по субботам, так как новый директор Маргаринового завода Зобов запретил мыться в казенном душе тем, кто не в штате предприятия.

— Воды ему, что ли, жалко? — сердился, узнав, Тимофеич. — У нас вода пока еще бесплатная.

— Не воды. Воды — залейся. Яичный порошок стали подворовывать. Завод не проходной двор. Мы на партбюро Зобова поддержали, — строго объяснила Лида.

— А где же теперь мыться? Тогда пусть в общежитии душ устроят!

— Мы этот вопрос тоже поставили. Ребром. А пока будете ходить в баню, как все.

— Не все! У некоторых буржуев дома ванны имеются.

— К концу пятилетки отдельных квартир с удобствами станет больше на десять процентов, — со знанием дела сообщила маман.

— Вот обрадовала, кулёма!

Я лежал на верхней полке, подставив лицо теплomu встречному ветру, который пах пряными южными ароматами, как булочная-кондитерская — ванилью. Напротив меня храпел под простыней наш попутчик Добрюха, эту смешную фамилию я прочитал на кожаной бирке его багажа. Чемодан, облепленный этикетками, одиноко стоял на тележке, которую носильщик торжественно подвез к вагону за минуту до отхода поезда. Опаздывающий пассажир неторопливо шел следом, покачивая великолепным магнитофоном «Сони» размером с коробку из-под зимних ботинок.

— Пол-«москвича»! — присвистнув, оценил Башашкин.

— Петр Агеевич! — представился он, появившись на пороге, и купе наполнилось изысканным коньячным амбре.

В Армавире на платформе, не торгуясь, Добрюха купил трехлитровую банку красного домашнего вина и всю сам выпил, но не из жадности, наоборот, он упорно угощал всех, но дядя Юра отказался наотрез. Пять лет назад Батурин с похмелья потерял сознание в ГУМе, куда пришел за покупками с женой, так долго приценивавшейся к горжеткам, что организм военного музыканта не выдержал. Начальник оркестра, узнав про этот случай, положил Башашкина в госпиталь, где ему вшили «торпеду» с гарантией на три года. Это такое лекарство от алкоголизма, а называется оно так не случайно: если принять даже каплю водки, «торпеда» буквально взрывается внутри, и ты гибнешь, как линкор в морском бою. Тетя Валя после долгих уговоров выпила полстаканчика вина и, когда попутчик вышел в тамбур покурить, тихо сказала: «Брать три рубля за такую “бормотуху” — настоящее свинство». Дядя Юра в ответ вздохнул и плеснул себе минеральной воды «Бжни». К трезвому образу жизни он относился с безысходным оптимизмом.

— Дельфин! — вдруг крикнул кто-то.

— Где? Где? Где же?

Поезд огибал синий залив. В окнах появились любопытные головы, на ветру затрепетали прически: короткие — мужские, и длинные — женские. С кого-то сорвало «наполеонку», сложенную из газеты, и она, расправляясь на лету, взмыла вверх, словно пестрая птица.

— Где, где дельфин? — слева выглянула красивая девушка с модной стрижкой «паж», как у Мирей Матьё. — Где, Михмат, покажи!

— Там! Заенька, не туда смотришь, правее! Вили, проспишь дельфина! Эх, опять на глубину ушел... — показал пальцем вдаль крючконосый пассажир в массивных дымчатых очках, судя по всему, ее отчим.

За этой семьей, ехавшей в соседнем купе, я наблюдал с самого начала и понял из обрывков разговоров, что они тоже сходят в Новом Афоне. Такое совпадение отозвалось туманной мечтательностью в моем измученном сердце: оно сначала было занято Шурой Казаковой, потом Ирмой Комоловой, а в седьмом классе ненадолго приютило Надьку Кандалину. И вот теперь, кажется, в нем поселяется девушка-паж по имени Зоя. Сердце человека, видимо, похоже на эластичную авоську, такие продаются на базаре в Сухуми. На вид они размером с кошелек, но чем больше кладешь в них продуктов, тем сильнее эти сетки растягиваются.

— Дэсять кило картошки выдержит! — гордо обещал продавец. — Мамой клянусь!

Для убедительности сзади на гвозде в безразмерной сумке висел огромный арбуз, но не полосатый, а темно-зеленый и продолговатый, вроде дыни.

Тетя Валя сказала мне по секрету, что такие авоськи в подпольном цеху плетет великий и ужасный Мурман — друг их курортной молодости.

— Вынырнул! Вынырнул! Вон он! — завизжала в окне справа девчужка с льняной косичкой. — Ой, какой большой!

Петр Агеевич оборвал храп, закричал, завозился и высунул из-под простыни набрякшее свекольное лицо со страдающими глазами.

— О чем шум? — спросил попутчик, обдав меня кислым перегаром.

— Дельфин.

— Я уж подумал — ихтиозавр. Далеко?

— Кабельтовый от берега, — громко и специально для девушки-пажа ответил я.

— Ого! Мальчик начитался Жюль Верна. Ну, и где ваш зверь? — Чтобы выглянуть в окно, он приподнялся

на локтях, и с его багровой шеи свесился на витой цепочке большой золотой крест.

— Это рыба, а не зверь! — возмутилась девочка с кошечкой.

— Сама ты рыба! — засмеялся Добрюха. — Ага! Ну, привет, афалина! Действительно, крупный экземпляр!

Метрах в ста от берега то появлялась, то исчезала в волнах черная лоснящаяся спина с высоким изогнутым плавником. Казалось, в море ныряет глянцевый рояль с поднятой крышкой...

Дельфин, словно почувствовав внимание целого поезда, на этот раз почти выпрыгнул из воды, и стала видна его хитрая поросычья мордочка.

— Артист! — похвалил крюконосый Михмат. — Ты видишь, Заенька?

(Если бы родители звали меня на людях «Юранька», я бы ушел из дому!)

— Вижу, — сдержанно ответила девушка-паж.

— Помнишь, в цирке?

— Помню, — еще холоднее отозвалась она, ей, видимо, тоже не нравились сюсюкающие прозвища.

— Какой огромный! — воскликнула пигалица с кошечкой.

— Да, мяса много, — поморщился Петр Агеевич. — Но оно невкусное, рыбой отдает...

— Откуда вы знаете? — вскинулась Зоя.

— В войну с голодухи ели... — тяжело вздохнул наш попутчик и взялся за сердце.

— Вы что?! Нельзя есть дельфинов! — чуть не заплакала «косичка».

— Почему же?

— Потому что они умные!

— Умных-то и съедают в первую очередь! — тонко усмехнулся Михмат.

Но тут поезд канул в тесный, сырой и гулкий тоннель, а когда через минуту снова выскочил на солнце, дельфина не было, он остался за мысом, напоминавшим огромного зеленого ежа, лакающего из моря соленую воду. Людям стало неинтересно, и постепенно окна опустели.

Добрюха снова тяжело вздохнул, отыскал в наволочке толстый бумажник, кряхтя, спустился вниз, влез голыми ступнями в сандалеты. На нем была голубая майка с надписью «Спартак» и красные треники с белыми лампасами.

— Ресторан направо или налево? — морщась, спросил он. — Опять забыл.

— Направо, через три вагона.

— Да, верно. Я такой забывчивый стал. Сегодня суббота?

— Сегодня понедельник, — улыбнулся Башашкин, поняв тонкий намек на Аркадия Райкина, и добавил: — Четвертое августа.

— Как летит время! Третий вагон направо, говорите? Дойду. Я же советский человек! Может, примкнете, Юрий Михайлович?

— Нет, спасибо! — самоотверженно ответил Батурин.

— Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет. Вернусь, в кинга сыграем, как вчера!

— Обязательно! — недоверчиво кивнула тетя Валя.

— Сколько нам еще ехать?

— Куча времени! — посмотрев на циферблат, сообщил дядя Юра. — Решили, где сойдете?

— Не знаю. Где понравится... Комнаты везде сдают.

— Выходите в Новом Афоне — не ошибетесь! — посоветовала тетя Валя.

— Хорошая мысль! Славный городок, намоленный. — Он пощупал крест на груди. — Освежусь — и будем решать. За «Сонькой» присмотрите! — Добрюха кивнул на магнитофон, мерцавший в нише над дверью.

Когда Петр Агеевич, въехав плечом в косяк, покинул купе, Батурина быстро накрыла маленький вагонный столик. Доставая из корзины еду, она причитала:

— Как это можно ехать на юг, не зная куда!

— А мы с тобой в молодости как ездили?

— Тоже верно... Но он-то солидный мужчина!

— Может, ему так нравится? Новые места. Приключения...

— Знаем мы эти приключения! Оберут как липку. Крест у него золотой, тяжеленький. За такой головы можно лишиться.

В душном купе запахло вареной курицей, колбасой, помидорами, укропом и малосольными огурцами, купленными на Тихорецкой. Я высунулся из окна по плечи. Вид моря, смыкающегося на горизонте с небом, жалобы мечущихся чаек, горький дым от «титана», затопленного проводницей, и мысль о том, что в соседнем купе едет девушка-паж, которая тоже выходит в Новом Афоне, — все это смешалось в какое-то щемящее чувство ожидания. Чего? Не знаю...

— Юраша, иди кушать! — громко позвала тетя Валя.

— Сейчас... — буркнул я, надеясь, что красивая попутчица через стенку не слышала этого дурацкого — «Юраша».

Я медлил на своей верхней полке, надеясь, что лоснящаяся спина с большим плавником снова вынырнет из волн, и тогда я крикну: «Дельфин!» Пассажиры метнутся к окнам. Зоя тоже выглянет. Я равнодушно покажу пальцем на диковину и, пожав плечами (мол, что за волнения из-за таких пустяков?), спущусь вниз, чтобы поесть. Но минута промедления обошлась мне дорого: кто-то с криком «Берегись!» выплеснул наружу опивки из стакана, и мокрые чайники залепили мое лицо. Кое-как протерев глаза, я слез с полки и, сшибая углы шатающегося вагона, побрел в ту-

алет — умываться. Тетя Валя, увидев мою физиономию, только охнула, а дядя Юра пошутил, что в жизни лишний раз лучше не высываться.

— О це жак! — крикнула могучая проводница Оксана, вжимаясь в стену и поднимая над головой, как фонари, подстаканники с желтым чаем. — Ну шо за люди? Талдычишь: ничего в окна не бросать. Без толку!

Едва разминувшись в узком проходе с ее обильной грудью, распиравшей серую форменную рубашу, я оказался перед запертой дверью туалета, оттуда сквозь стук колес слышался плеск воды и напев:

*А над морем, над ласковым морем
Мчатся чайки дорогой прямою.
И сладким кажется на берегу
Поцелуй соленых губ...*

Наконец из санузла вышла умытая, свежая, пахнущая цветочным мылом Зоя с проштампованным вафельным полотенцем на голых плечах. Я заметил, что глаза у нее синие, а губы необычные, с маленькими ямочками по краям рта, отчего кажется, будто она усмехается. От этой улыбки по всему моему телу пробежал теплый озноб. Рядом с ровесницами я обычно испытываю странную, щекочущую неловкость или бесцельное томление, переходящее в дружеское влечение. Так было с Ирмой и Шурой. Но девушка-паж старше меня на целых три года! Я для нее пацан. Из коридорного разговора Михмата с Добрюхой стало понятно, что она поступила в МГУ. «Запасть» на нее — то же самое, как влюбиться в «Девочку с персиками». Глупо, тупо и нелепо...

Увидев меня, Зоя сперва испуганно вздернула тонкие брови и округлила синие глаза, даже слегка отшатнулась, но потом, сообразив, что случилось, обидно засмеялась